

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

– Я никогда сам не навязываюсь, – сказал Дронго, – только в том случае, если меня попросят. Люди не любят, когда вмешиваются в их дела. Особенно этого не любят покойники...

Чингиз Абдуллаев

История
безнравственности

Дронго

Чингиз Абдуллаев

История безнравственности

«PEN-клуб»

2012

Абдуллаев Ч. А.

История безнравственности / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2012 — (Дронго)

В роскошный отель на испанском курорте Коста дель Соль съехалось много богатой публики, желающей красиво отдохнуть. Среди этих людей были и три семейные пары из России, Казахстана и Армении. Их связывал общий крупный бизнес, который сейчас переживал очередной подъем. И вдруг в разгар отдыха погибает руководитель компании Михаил Фигуровский. Испанская полиция устанавливает, что его отравили, но вот кто и зачем... Концов они найти не могут. На их счастье, в том же отеле отдыхает всемирно известный эксперт Дронго со своей женой Джил – и не в его правилах оставлять без внимания очередную криминальную головоломку...

Содержание

Вместо вступления	5
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Чингиз Абдуллаев

История безнравственности

Величайшее поощрение любого преступника – безнаказанность.
Марк Туллий Цицерон

*Близкая женщина становится чем-то наподобие вашей тени.
Когда вы преследуете ее – она удаляется. Когда вы пытаетесь удалиться
от нее, она все время преследует вас.*
Али Эфенди

*Я думала, что ты мой враг,
Что ты беда моя тяжелая.
А ты не враг, ты просто враль,
И вся игра твоя дешевая.*
Белла Ахмадулина

Вместо вступления

Иногда ему казалось, что все происходящее напоминает непонятный сценарий, разработанный с таким расчетом, чтобы вовлекать его как можно чаще в различные происшествия и события, которые могли происходить только с ним. Словно это был некий замысел высших сил, создаваемый ими именно для него и для подобных упражнений. Но его аналитический прагматичный ум не отказывался всерьез считаться с подобным предположением. Для этого он был слишком большим агностиком, верившим в безусловную силу разума, способного решать самые сложные задачи без вмешательства потусторонних или высших сил.

Он давно обещал Джил совместный отдых в Испании, куда их приглашали многочисленные знакомые и друзья, но каждый раз что-то срывалось или откладывалось, и Джил терпеливо соглашалась подождать. Теперь, когда дети были уже достаточно взрослыми, они могли позволить себе поездку вдвоем на отдых в Испанию. Она сама выбрала отель «Кемпински», находившийся в полутора километрах от Эстепоны на побережье Коста дель Соль, совсем недалеко от всемирно известной Марбельи, и им уже заранее был заказан номер.

После перелета они поужинали в номере, решив не спускаться в ресторан, находившийся на территории отеля. Всего их в отеле было четыре, и в четвертом гости обычно завтракали. Ночью он неожиданно проснулся. Их двухкомнатный номер-сьют оказался достаточно просторным. В первой комнате стояли два больших кожаных дивана и два кресла по разным сторонам журнального столика. А во второй – спальне – размещались большая двуспальная кровать, встроенные стенные шкафы и компактный письменный стол для работы. А проснулся он от ощущения надвигающейся тревоги, от безотчетного страха, неожиданно овладевшего им.

Он набросил халат и вышел на просторную веранду. Светила яркая луна, перед ним до горизонта расстилалась зеркальная гладь моря, а с правой стороны виднелся кусочек суши. Отсюда в хорошую погоду можно было увидеть африканский берег. Этот ночной пейзаж напоминал сюрреалистическую картину, таившую в себе некую загадочность. Он ясно различал береговую линию. На веранде было достаточно прохладно. Здесь вообще удивительный климат. Благодаря холодному течению, идущему из Атлантического океана, огибая Гибралтар и Пиренейский полуостров, именно в этих местах на побережье Коста дель Соль почти всегда прохладно, и температура моря не поднимается выше двадцати двух – двадцати трех градусов. Тогда как гораздо севернее, у побережья Валенсии, море теплее градусов на четыре-пять.

Почти все номера отеля были с большими просторными верандами, на которых стояли большие цветочные горшки с экзотическими растениями. Система полива, проложенная прямо по верандам, позволяла увлажнять эти растения, давая им столь необходимую для жизни влагу.

«Что со мной происходит? – недовольно подумал он. – Почему я не могу спокойно заснуть? Откуда это ощущение тревоги и страха?» И посмотрел в сторону спальни, где на своей половине огромной кровати спала Джил, укрывшись легким одеялом. В номере работали кондиционеры. Ему казалось, что он понимает природу своих ощущений, и это было самое неприятное и печальное. Его пугал вид спящей Джил. Да, именно ее присутствие не позволяло ему спокойно заснуть. Признаться в подобном, даже самому себе, было ужаснее всего. Ему даже стало стыдно, словно она могла услышать его мысли. Он всегда физически ощущал присутствие другого человека рядом с собой. В Москве и в Баку, в своих квартирах, он обычно оставался один, а в их доме под Римом они с Джил имели отдельные спальни. Так было принято в семье графини Джил Вальдано, так было удобнее и ему самому. Теперь же, когда они снова оказались вместе, в одной комнате, он чувствовал ее присутствие, слышал ее дыхание, и это мешало ему расслабиться, несмотря на то, что он ее очень любил.

«Вот так, – продолжали роиться в голове невеселые мысли, – все правильно. Это должно было рано или поздно случиться. Моя психика в результате всех этих расследований и происшествий стала настолько ущербной, что я не заметил, как сам стал немного психопатом». Хорошо, что Джил не проснулась, иначе ему пришлось бы объяснять причину своего внезапного пробуждения. Он привык находиться в одиночестве. Это не значит, что он был аскетом и не терпел присутствия женщин. Но многолетняя привычка никому не доверять, опасаясь возможного предательства, сделала из него почти параноика. Он нахмурился. Кажется, так было с самого детства. Еще мать говорила ему, что он спит как волк, просыпаясь при малейшем шуме и реагируя на каждого, кто входил в его комнату.

Вот и теперь в присутствии любимой женщины он не мог нормально заснуть, чувствуя непонятную тревогу и страх.

Ему уже около пятидесяти, и они женаты достаточно давно, но он настолько привык к своей самостоятельной жизни и к своим расследованиям, что не мыслит существования без этой напряженной работы мысли. Но, с другой стороны, так дальше невозможно жить, иначе он действительно станет просто неадекватным человеком. Он резко повернулся, закрыл за собой дверь на веранду, вернулся в спальню и прошел в ванную комнату, чтобы умыться.

Почти всему миру он известен под именем непонятной птицы Дронго. Конечно, в отеле зарегистрировался под своим привычным именем и фамилией, однако многие уже знают о его расследованиях, и эта кличка становится по-своему нарицательной. Недавно он получил письмо из Соединенных Штатов Америки от поэта Евгения Евтушенко. Тот был наслышан о странном эксперте по имени «Дронго» и решил даже написать шуточные стихи, посвященные расследованиям аналитика. Стихи были хорошие, хотя и немного ернические. Евтушенко справедливо жаловался, что его хорошую знакомую – поэтессу Лиснянскую, родившуюся в Баку, – почти никто не знает и ее книги выходят мизерными тиражами, тогда как о приключениях Дронго знают миллионы людей. В своих стихах он называл поэтессу «Бакиней». Было смешно и даже забавно читать это послание.

Дронго внимательно посмотрел на себя в зеркало и невесело усмехнулся: «В конце концов, ты начнешь подозревать даже самого себя и станешь законченным психопатом».

Многочисленные расследования убеждали аналитика в непостоянстве человеческой природы, в непостижимой природе зла и добра в каждом индивидууме, в непредсказуемости действий преступников, пытавшихся спрятаться за изощренными уловками. «Нет, – решительно подумал он, – я все еще нормальный человек. Просто, наверное, что-то приснилось, какой-нибудь кошмарный сон, который я не сумел запомнить». Плюс еще работающие кондицио-

неры, из-за которых в спальне было достаточно прохладно. Плюс присутствие Джил, которую он так зримо чувствовал.

Дронго повернулся, решительно прошел к кровати, лег и накрылся одеялом. Кажется, Джил шевельнулась. Он повернулся к ней. Она улыбалась во сне, и он тоже непроизвольно улыбнулся. В конце концов, нужно помнить, что он хочет провести с этой женщиной оставшуюся часть жизни и дожить с ней до глубокой старости. Значит, нужно чаще бывать дома и выкинуть из головы свои дурацкие фобии.

Он еще не знал, что именно в этом отеле снова проведет расследование очередных преступлений, которые будут настолько продуманными и запутанными, что для их раскрытия понадобится именно такой эксперт, как Дронго. Он закрыл глаза и заставил себя погрузиться в сон.

Глава первая

Завтрак в отеле сервировали в ресторане на первом этаже. Как и положено в отелях подобной категории, столы были завалены различными продуктами, где можно было выбрать для себя любые сорта сыра, рыбу, мясо, фрукты, различные выпечки и, конечно, знаменитый испанский хамон. Они спустились вместе с Джил и стояли у стойки метрдотеля, который должен был проводить их к столу, когда за спиной послышался громкий и недовольный женский голос:

– Ты опять ничего не понял, Фигуровский. Мы должны будем поехать туда прямо сегодня, чтобы встретиться с ними. А ты решил, что это будет только завтра.

– Но ты сама говорила, что мы встретимся с ними в среду, – виновато оправдывался мужчина.

– Мы должны были встретиться с ними в среду, но потом решили увидаться в этом клубе во вторник. И не нужно делать вид, что ты ничего не понял. Ты просто не хочешь ехать сегодня в Марбелью и заходить в тот самый ювелирный магазин, в котором мы с тобой уже были.

– Я тебе сказал, что это невозможно. Ты значительно превысила свой возможный лимит. Сколько можно тратить денег на эти побрякушки?

Дронго увидел выражение лица Джил. Она все прекрасно поняла. Незнакомцы говорили слишком громко, не стесняясь присутствия посторонних. А может, они видели стоявших перед ними людей и считали, что эти двое не понимают по-русски. Дронго повернул голову. За их спинами стоял довольно плотный мужчина лет пятидесяти, среднего роста, с большим выпирающим животом, каштановыми волнообразными волосами и круглой головой. Большие очки дополняли его облик. Он был в светлых шортах, доходивших ему до колен, и цветной сине-белой майке. Рядом с ним стояла высокая, выше своего партнера на целую голову, молодая женщина в светлых коротких шортах и белой майке, под которой не было бюстгалтера; правда, она в нем и не нуждалась. Упругая молодая грудь, красивые высокие ноги, светлые глаза, рассыпавшиеся по плечам длинные светлые волосы. Эта блондинка могла быть дочерью господина Фигуровского, так как на вид ей не больше тридцати. Несмотря на то что спустилась в майке и шортах, да еще и без нижнего белья, она не забыла надеть часы известной фирмы с плавающими бриллиантами и обувь на высоких каблуках, делавшую ее еще выше.

– Можно узнать, о каком «лимите» ты говоришь? – ядовито поинтересовалась женщина. – В последнее время ты стал просто непохожим на себя.

– Хватит, Зоя, – уже начиная раздражаться, прервал ее Фигуровский, – мне уже надоели твои вечные упреки. После того как мы сюда приехали, ты уже успела потратить в Марбелье больше трехсот тысяч евро. По-моему, пора остановиться. Еще немного, и ты захочешь этого слона из холла отеля.

В холле отеля Кемпински стояла копия известной скульптуры Сальвадора Дали – слон на вытянутых длинных тонких ногах. Табличка извещала, что оригинал этой скульптуры, сделанной великим испанским художником, можно приобрести, обратившись к менеджеру отеля. Очевидно, Фигуровский говорил именно об этом слоне.

Подошедшая девушка-метрдотель улыбнулась и проводила Дронго вместе с Джил к их столику, – они достаточно легко общались в Испании, так как язык был похож на итальянский, – а затем быстро вернулась за следующей парой. С ними она говорила уже по-русски и провела их к большому столу, накрытому на шесть персон. Очевидно, это была одна из тех сотрудниц, которых нанимали специально для прибывающих туристов из России и стран СНГ. Обычно в пятизвездочных испанских отелях категории «гранд люкс» в штате обязательно предусматривались сотрудники, говорившие по-русски и по-арабски. Европейские языки они хорошо знали, это входило в обязательные условия при приеме на работу в гостиницах подоб-

ного типа. В самом «Кемпински» работали, конечно, и немецкие специалисты, для обслуживания своих соотечественников, – ведь эта всемирно известная сеть отелей принадлежала немцам.

– Я что-то не очень поняла, – обратилась Джил к мужу. – Мне кажется, она недовольна тем, что он не хочет покупать ей очередное украшение и не хочет с кем-то встречаться.

– Да, – кивнул Дронго, глядя на прошедшую мимо пару. – Сразу заметно, что он из разбогатевших в последние годы нуворишей, а она – его далеко не первая супруга.

– Может, она его дочь или подруга, с которой он приехал на отдых? – предположила Джил.

– Нет, – ответил Дронго, – она его жена, иначе бы так с ним не разговаривала. Любовницы и подруги, с которыми отдыхают приехавшие толстосумы, обычно разговаривают совсем другим тоном – менее требовательно и не так жестко. Это его молодая жена, которая требует соответствующей «платы» со своего законного супруга.

– Зачем тогда он в таком возрасте берет себе женщину, которая годится ему в дочери? – поинтересовалась Джил.

– Между прочим, у нас тоже довольно большая разница в возрасте, – с долей иронии проговорил Дронго.

– Девять лет, – вспыхнула Джил, – не так много. И не забывай, что у нас несколько другие отношения. Насколько помню, я никогда не позволяла себе разговаривать с тобой в подобном тоне.

– Вы – графиня, госпожа Вальдано. За вами триста лет аристократических корней вашей семьи, – напомнил Дронго. – А она, возможно, раньше торговала бананами, помогая своей маме или бабушке, и пыталась всеми силами пробиться в манекенщицы или стать моделью. У нее совсем иной опыт, чем у тебя.

– Почему бананами? – не поняла Джил.

– Я вспомнил Наталью Водянову, самую известную топ-модель из России. Помнишь, ты рассказывала мне, что познакомилась с ней и ее мужем Портманом, когда была в Лондоне. Она в молодости торговала бананами, помогая родным, а потом выбилась в топ-модели и стала супругой лорда Портмана.

– Насколько я знаю, они собираются разводиться, хотя у них уже трое детей, – напомнила Джил.

– Что только подтверждает мои слова, – слегка усмехнулся Дронго. – Она переросла и свой новый имидж. Успешная женщина, зарабатывающая миллионы очень нелегким трудом, не хочет больше терпеть рядом мужа-бездельника, который в жизни не работал и не заработал ни одного фунта. Когда она впервые попала в Париж, ей хотелось закрепиться и стать достаточно самостоятельной и успешной. А сейчас она понимает, что необходимо развиваться дальше. Все правильно.

– Эта дамочка, которая стояла у нас за спиной, тоже «развивается»? – не скрывая своей иронии, спросила Джил.

– Своеобразным образом. Возможно, она гораздо умнее, чем нам кажется. Понимает, что их брак недолговечен, и пытается выжить из него все возможное. Такое тоже бывает.

Он не успел закончить фразу, когда мимо них прошла компания людей, громко говоривших по-русски. При этом было сразу понятно, что все четверо нерусские. Первая пара была с характерными азиатскими лицами, вторые – явно кавказцы. Они переговаривались, обмениваясь шутливыми репликами. Четверка прошла к большому столу на веранде и весело поздоровалась с сидевшей за столом первой парой.

– Эти тоже говорят по-русски, но они явно нерусские, – заметила Джил.

– Первая пара из Казахстана или Киргизии, – предположил Дронго, внимательно посмотрев в сторону, – нет, скорее из Казахстана. Ему под пятьдесят, ей немного больше сорока. Вто-

рая пара – из Грузии или Армении. Думаю, что из Армении. У грузин совсем другой, более характерный акцент, когда они говорят по-русски. Ему около сорока, ей примерно столько же.

– Как ты можешь определить, откуда эти люди? – удивилась Джил. – Особенно национальность?

– Это достаточно просто. Ты всю жизнь живешь в Европе и, взглянув на человека, почти сразу определяешь его национальность – даже если не совсем точно, то достаточно приблизительно. Итальянца невозможно перепутать с англичанином, немца – с испанцем, скандинава – с греком. А вот если ты будешь смотреть на азиатов или афроамериканцев, они все будут для тебя на одно лицо. Но это не так. Китайцы отличаются от японцев, а те – от вьетнамцев или корейцев. Достаточно присмотреться более внимательно, чтобы сразу понять эти различия. Точно так же на Кавказе. В Москве всех прибывших с юга обычно называют «кавказцами», хотя сами люди, живущие на Кавказе, почти сразу определяют, кто именно перед ними – грузины, армяне, азербайджанцы, чеченцы, лезгины, осетины... Это не так сложно, как кажется.

– Теперь буду знать, – рассмеялась Джил. – Хорошо, что ты иногда соглашаешься путешествовать со мной, чтобы объяснять подобные нюансы.

Рассевшаяся за большим столом четверка оживленно беседовала. Кавказского мужчину называли Паруйром, и Дронго понял, что был прав – это была армянская пара. Его спутницу звали Аидой, что тоже было характерно для армян, обычно дававших детям такие имена, как Гамлет, Отелло, Ромео, Джульетта. Справедливости ради стоит отметить, что и среди азербайджанцев, живших до восьмидесят девятого года в Армении, тоже было много людей с подобными именами. Женщине на вид под сорок, красивое лицо, умные внимательные карие глаза, ровные черты лица, пышные волосы. Она чем-то напоминала Дронго девочку из соседнего класса, которая так нравилась всем мальчишкам. Шестидесятые-семидесятые годы были временем «полифоничного звучания» города, когда в их классах учились представители десятка национальностей – азербайджанцы, русские, армяне, грузины, евреи, лезгины, греки, татары, украинцы.

И среди них была самая красивая на все три параллельных класса девочка – Инна Родина, высокая, похожая на гимнастку, с длинной косой почти до пояса и удивительно правильными чертами лица, в которую были влюблены все мальчишки школы. И еще одна девочка – Сати Погосян, которая отличалась особенной красотой и шармом. Ее родители работали в городском ТЮЗе, и Сати сразу после уроков спешила в музыкальную школу, благо та находилась через улицу...

Сидевшая за столом вторая пара обращалась друг к другу по именам, и он услышал их имена – Дастан и Линара. Было видно, что все шестеро приехали вместе, видимо договорившись отдохнуть именно на юге Испании, в этом известном на весь мир отеле.

Обычно по утрам Дронго ограничивался чашкой чая и ломтиком бисквита. Но на отдыхе позволял себе съесть утром яичницу, а здесь, в Испании, не отказывал себе в удовольствии попробовать настоящий испанский хамон из черной свиньи. Предусмотрительные испанцы держали колбасу и мясо из говядины и телятины отдельно от хамона – ведь среди приехавших гостей были евреи и мусульмане. Хотя, кажется, в этом отеле отдыхающие не делились по национальностям, предпочитая пробовать ломтики свеженарезанного красного хамона. По социальному положению гости также не особенно выделялись, так как позволить себе отдых в отелях подобной категории могли только весьма состоятельные люди. Ужин или обед в одном из ресторанов обходился в двести или триста евро на одну пару, что было весьма дорого для страны, в которой цены гораздо ниже общеевропейских.

– Ты так смотришь в их сторону, словно это твои знакомые, – заметила Джил.

– Одна из них напомнила мне девочку из нашей школы, – признался Дронго.

– Может, это она и есть? – улыбнулась Джил.

– Не она, – вздохнул Дронго, – ее звали иначе. И ей должно быть столько лет, сколько мне сейчас, а эта дама гораздо моложе. Нет, это не она. Кстати, я был прав. В этой четверке двое казахи, а другая пара – армяне. Но необязательно, что они из Казахстана и Армении. Вполне возможно, они приехали из России или Украины, а может, даже из Германии или Чехии. Во всяком случае, они знают друг друга достаточно давно.

– На этих курортах всегда много людей, говорящих по-русски, – сказала Джил, – двадцать лет назад в Испании невозможно было найти даже одного человека, приехавшего из России.

– Двадцать лет назад эта страна называлась Советским Союзом, и тогда трудно было выезжать за рубеж по туристическим путевкам, тем более в капиталистическую страну, – объяснил Дронго. – Я был одним из очень немногих людей, кому разрешалось выезжать, но не в качестве туриста, а только в служебные командировки.

– Я всегда подозревала, что ты раньше был шпионом, – рассмеялась Джил.

– Видимо, плохим шпионом, если страна, на которую я работал, развалилась, а мне пришлось стать эксперт-аналитиком, – проворчал он.

– Надеюсь, что здесь ничего подобного не случится.

– Я тоже надеюсь, хотя лучше не загадывать. Слишком много «скелетов в шкафу» у каждого из нас. Если взять любую пару, сидящую за одним из соседних столиков, то можно, проследив их жизнь, обнаружить различные темные пятна, загадочные происшествия, скрытые тайны. Одинаковый набор почти у всех. Не потому, что люди такие плохие или изначально порочные. Просто у каждого есть свои тайны, которые он часто скрывает даже от своего партнера. У каждого из нас в душе свое «кладбище», куда мы никого не пускаем. И там похоронены не только наши друзья, но и наши воспоминания, наши тайны.

– И твое «кладбище» самое большое, – мрачно произнесла Джил.

– Да, возможно, ты права. – Дронго замер, потом тяжело вздохнул.

– В таком случае могу тебе сказать, что у меня нет такого «кладбища». Я никогда и ничего от тебя не скрывала. Во-первых, потому, что люблю тебя до сих пор, а во-вторых, это все равно бесполезно. Мне часто кажется, что ты умеешь читать мысли других людей, предсказывать их возможные действия по малейшим деталям их поведения, угадывать их поступки.

– Тебе не кажется, что ты достаточно субъективна?

– Возможно. А я этого и не скрываю.

Фигуровский и его супруга, поднявшись, пошли наполнять свои тарелки, продолжая о чем-то спорить и не обращая внимания на окружающих. За ними потянулись и остальные две пары.

– Она все-таки заставит его отправиться в Марбелью и потратить еще сотню тысяч евро, – предположил Дронго.

– Не понимаю, как можно так себя вести! – возмутилась Джил.

– Это новая порода, в Москве их называют «кланом новых амазонок», – сказал Дронго. – Молодые женщины, которые умеют выжимать максимум из любой ситуации. Они умудряются находить себе достаточно богатых покровителей, затем выходят замуж за известных спортсменов или бизнесменов. Потом, если карьера у спортсменов не продолжается, а бизнес у бизнесменов идет достаточно вяло, бросают первых мужей и выходят замуж во второй раз, уже имея стартовый капитал. За более успешных спортсменов, бизнесменов, деятелей шоу-бизнеса, даже политиков. Если опять не повезет, пробуют выйти замуж в третий раз. Даже имея одного, двух или трех детей. Для этого необязательно быть самой привлекательной и соблазнительной. Достаточно иметь ясную цель, обладать сильным характером и наработанными связями. Хотя, должен признать, ухоженное тело и симпатичная внешность очень помогают в решении этих вопросов.

– Ты, вижу, большой специалист по этим «амазонкам», – лукаво заметила Джил.

За их спиной раздался негромкий голос – мужчина обращался к своей спутнице:

– Видишь, Михаил Матвеевич тоже здесь со своей супругой.

– У него молодая жена.

– Она у него третья, – пояснил мужчина. – Между прочим, вы с ней ровесницы. Ей тоже в прошлом году исполнилось тридцать, как и тебе.

– Его тянет к молодым, – не успокаивалась женщина.

– Вот именно. Он у нас весьма любвеобильный господин. Только давай сядем так, чтобы эта сволочь меня не увидела. Если бы я знал, что они будут отдыхать здесь всей компанией, никогда бы сюда не приехал.

– Можем и уехать, – предложила женщина.

– Уже поздно. У нас оплачена целая неделя вперед. Придется терпеть их соседство еще несколько дней.

Дронго повернул голову и увидел, как по залу ресторана проходит новая пара. Мужчина – чуть выше среднего роста, худощавый, с запоминающимся аскетическим лицом и коротко остриженными, уже седыми волосами. Женщина выглядела достаточно подтянутой и была одета в светлое легкое длинное платье, а волосы повязала косынкой. Запоминающееся, немного удлиненное лицо, карие глаза, светлые волосы. Обоим, на вид, чуть за тридцать.

– Господин Вязанкин, вы можете пройти на веранду, – услышали они голос метрдотеля, которая обратилась к гостям на русском языке.

– Нет, – возразил мужчина, – я лучше посижу в зале. Спасибо, нам здесь удобнее.

– Новая пара, и, кажется, они не любят этого толстяка, – покачала головой Джил.

– Очень не любят, – кивнул Дронго, – а как ты поняла?

– Он назвал его «сволочью».

– Я при тебе никогда так не выражался. Откуда ты знаешь это слово? – удивился он.

– Не забывайте, господин эксперт, что в нашем римском доме я часто смотрю различные каналы, в том числе и на русском языке, – усмехнулась Джил, – а там иногда говорят такие ужасные слова...

– Понятно. Судя по недовольному виду супруги Фигуровского, он все-таки сегодня не поедет в Марбелью, – заметил Дронго, взглянув на пару, которая продолжала препираться. – Хотя, возможно, ей удастся его переубедить, и тогда он уступит.

– Кажется, мы уже позавтракали, – решила Джил, – пойдем отсюда. Я даже не подозревала, что ты у нас такой крупный специалист по подобным дамочкам. Теперь же начинаю думать, что ты слишком много времени проводишь один, без меня.

Когда они поднялись, Фигуровский и его супруга набирали в свои тарелки колбасы и сыры, продолжая спорить.

Глава вторая

Это было странно и необычно, но он не любил купаться в море. Он вообще был странным человеком. Выросший в Баку, рядом с удивительно теплым морем и длинными песчаными пляжами, предпочитал проводить свободное время за книгами, тогда как большинство его сверстников отправлялись купаться. Может, потому, что он не любил тратить много времени на подобные упражнения. Всего-то надо – войти, окунуться и выйти. Он не совсем понимал, как можно часами пропадать на пляже, и тем более не понимал, как можно специально загорать под солнцем, хотя, как истинный южанин, любил солнце и жару. При сорока градусах по Цельсию в тени чувствовал себя достаточно комфортно. А вот минусовая температура сразу выбивала его из колеи. Может, поэтому он так не любил короткие зимние дни в Москве, когда температура иногда опускалась до критической отметки в двадцать или даже тридцать градусов ниже нуля, и предпочитал на это время уезжать в Баку или в Рим.

Дронго был странным человеком не только в своем непонятном отношении к морю. Он боялся летать на самолетах, не любил кофе и за всю свою жизнь не выкурил ни одной сигареты. Занимаясь в молодости различными видами спорта, уже в зрелом возрасте никогда не ходил в гимнастические залы для поддержания формы и не понимал, как можно проводить время за поднятием тяжестей или бегом на месте. Его по-прежнему больше всего в жизни интересовали новые книги, экзотические маршруты и города, в которых он еще не успел побывать, а также люди, каждый из которых был ему интересен своей индивидуальностью и неповторимостью. Он любил женщин, и женщины отвечали ему взаимностью. Хорошо понимал людей, прощая им их ошибки и заблуждения, но беспощадно разоблачал самых изощренных преступников, полагая, что со Злом можно и нужно бороться, справедливо считая, что Зло обладает куда большей притягательностью, силой, умением притворяться, мимикрировать, видоизменяться, чем Добро. Но в конечном счете Зло – всегда самопожираемая субстанция, и в этой вечной схватке Добра со Злом конечная победа остается за Добром. И он искренне полагал, что борется именно на стороне Света против силы Тьмы. Возможно, успешное расследование многих преступлений пробудило в нем некое сознание того, что у него особая миссия на Земле – противостоять Злу в любом его обличье.

Джил тоже выросла у моря, вилла ее отца находилась на Лигурийском побережье, но в отличие от своего мужа она очень любила купаться и прекрасно плавала. Именно поэтому, когда они спустились вдвоем к пляжу, Джил сразу пошла к воде, а он предпочел остаться в шезлонге, удобно устроившись с новой книгой по мировой архитектуре, которую захватил с собой из Москвы.

Углубившись в чтение, он вдруг услышал, как рядом с ним остановилась у соседних лежаков еще одна пара. Характерный голос женщины спросил:

– Хочешь купаться?

– Да, конечно. А ты разве не пойдешь?

– Нет. Я посижу здесь. – Она добавила несколько слов по-армянски, и муж, кивнув в знак понимания, пошел в воду один. Дронго узнал Паруйра, которого видел сегодня утром за завтраком, а его супруга устроилась совсем рядом на лежаке и закрыла лицо панамой. Кажется, ее звали Аида, вспомнил он. На ней был черно-синий закрытый купальник, на глазах темные очки. Видимо, она решила поспать или просто позагорать.

Увлечшись книгой, Дронго даже вздрогнул, когда раздался телефонный звонок, доносившийся из пляжной сумки Аиды.

– Да, Марина, здравствуй, – услышал он ее голос, – у нас все в порядке. Приехали сюда, в Испанию, целой толпой. Вшестером. И сам Михаил Матвеевич тоже с нами. Да, Зоя тоже здесь. По-моему, не очень. Они все время спорят и конфликтуют. Нет, я не думаю. Если так будет все

время продолжаться, ему это просто надоест. Не знаю, Марина, это его дело, я в такие игры не играю. Нет, нет. Мы пробудем здесь еще пять дней. – Затем она довольно долго слушала свою собеседницу, не перебивая ее, и наконец сказала: – Все правильно. Только ты забыла, что это уже третий его брак. Он сам решает, как ему удобнее жить. Конечно, Паруйр был очень недоволен его решением по поводу слияния компаний. Он так ему и сказал, но разве можно переубедить Фигуровского? Если он что-то решил, его уже никак не заставить отказаться от этого решения. Хотя Паруйр сразу сказал, что теряет на этом почти полтора миллиона своих денег, Фигуровский даже не захотел его выслушать.

Марина в ответ что-то долго говорила в трубку, пока Аида не перебила ее:

– У нас так не получится. Мы не готовы к подобным решениям и, наверное, никогда не будем готовы. Да, спасибо, Марина. И тебе тоже. До свидания. Обязательно передам твой привет. Спасибо.

Она убрала телефон в сумку и взглянула на сидевшего рядом незнакомца. Он как раз закрыл книгу и стал держать ее в правой руке так, что она смогла увидеть название и понять, что он читает по-русски. Аида сняла очки и нахмурилась.

– Вы понимаете по-русски? – спросила она.

– Да, – ответил Дронго, – понимаю.

– И слышали, как я разговаривала по телефону. Извините, я думала, что вы итальянец или испанец. Кажется, вы говорили со своей знакомой по-итальянски.

– Это моя супруга. Она итальянка.

– Тогда все понятно. Вы, кстати, тоже очень похожи на итальянца. Но, судя по всему, вы с Кавказа. Из Тбилиси?

– Нет, из Баку.

– А я из Еревана, – усмехнувшись, сказала она без всякого вызова, просто для информации.

– Это я уже понял. Слышал, как вы с мужем обращаетесь друг к другу. Паруйр – типично армянское имя.

– Зато Аида встречается и у итальянцев, – заметила она.

– Встречается, – согласился Дронго, – но вы иногда машинально переходите на армянский, и перепутать просто невозможно.

– Вы понимаете армянский?

– Нет. Хотя в Баку жили достаточно много людей, говоривших на армянском языке.

– Это я знаю, у нас там были знакомые. Вы давно приехали в этот отель?

– Два дня назад.

– А мы здесь уже четыре, – сообщила она, – приехали всей компанией, вшестером.

– Это я тоже успел заметить. А вы раньше бывали в Испании?

– Только один раз, в Барселоне. Три года назад. Но здесь мне нравится гораздо больше.

– Значит, вы все работаете в одной организации?

– Не совсем. Мы скорее партнеры, поэтому и решили отдохнуть все вместе. Хотя, полагаю, это была не самая лучшая идея. Отдыхать нужно в одиночку, чтобы не переносить сюда все проблемы.

У нее опять зазвонил телефон. Аида извинилась и достала трубку. На этот раз звонила кто-то из ее родственниц. Она довольно быстро завершила разговор и убрала телефон в сумку. Затем снова взглянула на своего соседа и неожиданно предложила:

– Наверное, нам нужно познакомиться. Вы все время живете в Италии?

– Временами. Чаще в Москве или в Баку.

– Тогда понятно. А мы в основном в Москве. Аида Казарян и мой муж – Паруйр Торосян. Мы с ним бизнесмены. Только он занимается металлами, а я – косметическими салонами.

– Очень приятно. Меня обычно называют Дронго. Я – эксперт-аналитик по вопросам преступности, а мою супругу зовут Джил Вальдано.

– У вас очень красивая жена.

– Спасибо. Я могу сказать, что вашему супругу тоже повезло.

– Надеюсь, – рассмеялась она, – будем считать, что в наших парах повезло всем четверым.

Паруйр вышел из воды и быстрым шагом направился к жене. Она снова надела темные очки. Подойдя, он что-то негромко сказал ей. В это время вернулась и Джил, и обе пары разошлись в разные стороны.

– Я обратила внимание что ты разговаривал с этой симпатичной брюнеткой, загоравшей рядом с тобой, – заметила Джил. – Кажется, она одна из тех, кто говорил в отеле по-русски.

– У тебя хорошая память, – ухмыльнулся Дронго, и больше они эту тему не обсуждали.

Вечером Дронго и Джил заказали столик на террасе в ресторане средиземноморской кухни «Ла Бриза». Кроме этого ресторана, в отеле было еще два. Ресторан испанской кухни – под аркадами левого крыла, и рыбный ресторан в стеклянном павильоне рядом с пляжем. И если приглашенные повара ресторанов работали безупречно, то набранные местные официанты умудрялись испортить все впечатление своей нерасторопной работой и частыми опозданиями. В пик летнего сезона в отеле набирали слишком много местных жителей, которые проходили всего лишь ускоренную подготовку и не всегда соответствовали ресторанам такого класса.

По ночам многие гости заказывали спиртное, благо выбор вин был достаточно большим. Дронго обычно заказывал местное испанское вино хорошего качества. Они сидели с Джил за столиком, когда рядом устроилась чета Вязанкиных.

– Кажется, этой компании нигде нет, – заметил мужчина, оглядываясь по сторонам.

– Я сегодня с такой опаской шла на пляж, – призналась женщина, – все боялась, что он меня узнает.

– Вряд ли, – возразил Вязанкин, – прошло больше пяти лет. Хотя кто знает, вполне возможно, что он тебя запомнил. Ты, наверное, одна из очень немногих, кто посмел ему отказать.

– И поэтому он должен был меня запомнить, – поняла женщина. – Эх, Виталий Вязанкин, ты очень наивный человек.

– Надеюсь, что еще долго буду таким, – пробормотал Вязанкин. – А ты, Светлана, все еще боишься его?

– Опасаюсь, – призналась она, – во всяком случае, мне не хотелось бы с ним встречаться и разговаривать. Возможно, он даже не помнит меня, ведь в его жизни было столько разных интрижек.

– Если бы ты вышла за меня замуж, все могло быть совсем по-другому.

– Мы уже много раз обсуждали эту тему, Вязанкин. Не забывай, что у меня растет сын, а у тебя есть дочь. И мы не должны спешить. Иначе мой бывший муж увезет сына к себе, и я не смогу его вернуть. Ты должен меня понимать.

– Надоело жить все время с оглядкой. Пока ты работала у Фигуровского, нужно было терпеть этого борова. Вдобавок проблемы с твоим бывшим мужем. Слишком много проблем, тебе не кажется?

– Не нужно так говорить, – попросила Светлана, – все скоро закончится. Мальчику уже двенадцать. Через два года он станет достаточно взрослым, чтобы самому выбирать, где ему хочется жить, и тогда мы сможем официально оформить наши отношения.

– Надеюсь, – вздохнул Вязанкин.

Джил, слышавшая этот разговор, покачала головой.

– Судя по их словам, тот полноватый господин со своей молодой и весьма требовательной супругой – не очень хороший человек, если они о нем так отзываются, – сказала она по-итальянски.

– Им нужно отсюда срочно уехать, – почему-то разволновался Дронго. – Судя по их разговору, с тем господином их связывает какая-то давняя неприятная история. И они напрасно испытывают судьбу. Территория отеля не такая большая, и рано или поздно они с ним все равно столкнутся.

– Пусть они сами решают, как им поступать, – предложила Джил, – а мы лучше допьем это прекрасное вино. Пью за тебя! – Она подняла свой бокал.

– А я за тебя, – улыбнулся Дронго.

После ужина они вышли погулять по пляжному берегу. Ужины в Испании традиционно очень поздние, и на часах было уже около одиннадцати вечера. У стеклянного павильона рыбного ресторана прогуливалась еще одна знакомая пара, которую они видели сегодня утром, – Дастан и Линара. Он был одет в белые брюки и светлую рубашку, на ней – легкое платье кремового цвета. На вид Дастану около сорока, характерные раскосые глаза, немного короткие ноги, достаточно развитый торс, темные волосы, уже тронутые сединой. Линара была ненамного моложе. Запоминались ее большие глаза навывкате и несколько тяжелый подбородок. Они не обратили никакого внимания на проходивших мимо Дронго и Джил, тем более что слышали, как незнакомая пара переговаривается по-итальянски. Дастан, обращаясь к супруге, сказал:

– Зоя все-таки увезла Михаила Матвеевича в Марбелью. Кажется, она хотела купить какое-то ювелирное украшение.

– Эта дамочка – просто настоящий вампир, – убежденно произнесла Линара. – Жуткая агрессия в сочетании с безапелляционной уверенностью в своей правоте. Я иногда ей завидую. У меня так не получается разговаривать с Фигуровским.

– Твой отец должен был дать ему в компаньоны не тебя, а твоего брата, – недовольно заметил Дастан, – все знали, какая хватка у Михаила Матвеевича.

– Мой брат не стал бы из-за бизнеса переезжать в Москву, – возразила Линара, – он уже четыре года живет в Нью-Йорке и вскоре собирается получать американское гражданство. И у него там свой налаженный бизнес. Поэтому отец решил, что будет правильно, если компаньоном Фигуровского стану я. Тем более что я окончила институт по этому профилю и всегда помогала отцу в его работе.

– Он просто не понимал, с каким монстром тебе придется работать, – тем же недовольным тоном продолжал Дастан. – А насчет Зои ты права, можно сказать, они нашли друг друга. После двух разводов Фигуровский получил такую стерву, о которой можно только кино снимать. Между прочим, она раньше была супругой футболиста Клецкова. Помнишь, был такой известный футболист – Олег Клецков?

– Не помню. Ты ведь знаешь, что я не интересуюсь футболом.

– Он играл за сборную, выступал в английских и немецких клубах, считался одним из лучших полузащитников. А потом получил одну травму, вторую, начал хуже играть, вылетел из состава сборной и приехал играть за местные клубы. Кажется, сейчас он как раз в Казахстане, играет за какую-то нашу команду. Естественно, теперь ему платят в сто или в тысячу раз меньше, чем раньше. Вот она его и бросила, быстро найдя замену в лице Фигуровского.

– Я всегда удивляюсь, как эти дамы умудряются так ловко устраиваться, – заметила Линара.

– Их «особый капитал» – тело и лицо, которым они успешно торгуют, – пояснил Дастан, – в общем, все правильно. Красивая женщина должна получать дивиденды за свою красоту.

– А умная должна умирать с голоду? – недовольно спросила Линара.

– Нет. Умная может заработать и сама, а красивой нужен богатый муж. В общем, все правильно, – повторил он, – все так и должно быть...

– Твоя первая супруга тоже была достаточно симпатичной, – тихо напомнила Линара.

– У нас другой случай, – рассмеялся Дастан. – Мы поженились еще студентами, и оба не совсем представляли себе, что такое настоящий брак, поэтому довольно быстро расстались. А когда я женился на тебе, мне было уже за тридцать и я был достаточно взрослым и ответственным человеком.

– Но Гулсум была очень красивой молодой женщиной, – повторила Линара, – неужели ты ее не вспоминаешь?

– Мы расстались уже давно, – ответил Дастан, – и она явно не похожа на Зою Фигуровскую-Клецкову. Другой типаж, другие взгляды. Она всегда была немного романтической дурочкой. Можешь себе представить, вышла замуж за какого-то инженера и, оставив столицу, уехала с ним в Ташкент. Такой идиотизм!

– Откуда ты знаешь?

– Встретил в прошлом году в аэропорту ее младшую сестру, и она мне все рассказала. Гулсум всегда была немного непрактичной, и, признаюсь, ее выбор меня не очень удивил. Вот такая история. Нет, я, к счастью, не имел дела с такими женщинами, как Зоя. Ни моя первая жена, ни ты совсем на нее не похожи. И надеюсь, что никогда не будете похожи.

– Надеюсь, – улыбувшись, согласилась Линара. – Представляю, как трудно достичь такого совершенства в вымогательстве подарков. Слава богу, что мне не приходится так унижаться. Отец всегда говорил мне, что у женщины должен быть свой счет, чтобы она не зависела от мужа. Но раз Фигуровский все-таки согласился поехать, значит, она молодец, сумела добиться своего. А это самое главное.

Они повернули к зданию отеля.

– Такое ощущение, что мы специально ходим и всех подслушиваем, – хмыкнула Джил, взглянув на Дронго.

– В отеле живет человек сто пятьдесят, поэтому мы встречаемся почти со всеми, – ответил он. – И не забывай, что они так громко и уверенно разговаривают еще и потому, что принимают нас за иностранцев, не понимающих их языка.

– А я чувствую, будто попала в Москву, где все говорят по-русски, – заметила Джил.

– Сейчас по-русски говорят почти на всех известных курортах, – сказал Дронго, – и это необязательно только русские. Этот язык связывал все народы бывшего Советского Союза. Через русский язык становились известными местные поэты и писатели; каждый из них мечтал быть переведенным и опубликованным именно на русском, так как это открывало дорогу в большую литературу. Сейчас на этом языке говорят граждане Украины и Казахстана, Латвии и Киргизии, Беларуси и Азербайджана, Узбекистана и Молдовы. В некоторых республиках по-русски говорят гораздо меньше – это Литва, Эстония, Грузия, Армения. Но, в общем, русскую речь можно сейчас услышать на лучших высокогорных курортах Швейцарии и Австрии, в Китае и Америке, на Лазурном Берегу, почти на всех испанских курортах, и даже в Стамбуле, где русский становится вторым после турецкого. Представляю, как «переворачиваются в гробу» турецкие султаны, столько лет воевавшие с Россией. Хочу тебе честно признаться: это действительно удивительный язык. Если бы я был русским человеком, тогда все было бы понятно – просто расхваливаю свой язык. Но я нерусский и, возможно, поэтому могу абсолютно объективно и честно оценить великий язык Пушкина и Толстого, Достоевского и Чехова, Гоголя и Пастернака. Собственно, я всегда тебе говорил, что для меня вся литература делится ровно пополам – мировая и русская. Такой совестливости, такой исповедальности, такого проникновения в души людей, такой откровенности и вместе с тем такой высоконравственной литературы нет больше нигде в мире.

– А итальянская литература? – ревниво спросила Джил. – Забыл? От Данте, Петрарки, Боккаччо, Тассо до Пиранделло, Моравиа, Павезе, Кальвино и твоих личных знакомых Умберто Эко и Дарио Фо. Тебе не кажется, что ты не совсем объективен?

– Возможно, – согласился Дронго, – но я говорил о пространстве бывшего Союза, когда русский язык и русская литература объединяли писателей разных национальностей, верований и языков. Ты можешь справедливо сказать, что есть великая литература на английском, французском, испанском, немецком, японском, китайском, арабском, фарси... перечислять можно долго. Но я все-таки останусь при своем мнении – вся литература делится ровно пополам.

– Жаль, что мне трудно даются книги на русском, – задумчиво произнесла Джил, – легче читать на английском и французском. Но я постараюсь. Особенно хочется почитать Чехова. Мне кажется, что если я смогу одолеть его на русском языке, то узнаю тайну его пьес, которую разгадать просто невозможно.

Они вошли в здание отеля, поднялись по лестнице в просторный холл и увидели супругов Фигуровских. У Зои в руках было сразу несколько больших пакетов. Очевидно, ей удалось убедить супруга «увеличить ее лимит» еще на одну сотню тысяч. Дронго и Джил проводили их веселыми взглядами и расхохотались. Они еще не знали, что уже послезавтра вечером в отеле произойдет загадочное убийство.

Глава третья

Утром они спустились к завтраку перед самым закрытием ресторана. Впрочем, большинство отдыхающих так и делали, просыпаясь довольно поздно. Сказывались к тому же и поздние ужины. Уже известная компания, состоявшая из трех семейных пар, располагалась за большим столом на веранде. Они успели прийти сюда еще несколько минут назад и теперь ждали официантов, обмениваясь репликами. Официанты быстро расставляли приборы, несли тарелки, кофейники, чайники, чашки. Сегодня было довольно прохладно, и Дронго вместе с Джил прошли на веранду, так как внутри ресторана свободных столиков уже не было. Увидев их, Аида кивнула Дронго в знак приветствия. Он вежливо поздоровался.

Буквально вслед за ними появился и Вязанкин со своей подружкой. Они тоже вышли на веранду, хотя было заметно, как не хотелось Вязанкину проходить мимо большого стола, за которым сидел Фигуровский. Тот равнодушно взглянул на проходившую мимо пару, видимо, не узнал их. Вязанкин демонстративно уселся спиной к большому столу. Рядом устроилась Светлана.

Через некоторое время вся шестерка поднялась, чтобы пройти к столам, где можно было выбрать соответствующую еду. Только Паруйр чуть замешкался – в этот момент ему кто-то позвонил на мобильный телефон. Он быстро пробормотал в трубку нечто невнятное и присоединился к своей компании. Пока они наполняли свои тарелки, Вязанкин и его спутница терпеливо ждали, когда Фигуровский и его супруга вернутся к столу, и тогда Вязанкин, быстро поднявшись, прошел мимо большого стола.

Дронго взглянул на Джил. Она налила себе кофе с молоком и собралась пройти к столам, чтобы выбрать себе продукты на завтрак. Дронго присоединился к ней, попросив повара сделать ему яичницу. За свой столик они вернулись через несколько минут. За соседним столиком Аида недовольно заметила:

– Наверное, кофе уже холодный.

– А я не пью очень горячий, – ответил ей Фигуровский.

– Сейчас попрошу официанта принести еще один кофейник, – предложил Паруйр.

Подскочивший официант налил Аиде кофе из свежего кофейника.

– Здесь хороший кофе, – произнесла она, взяв чашку и сделав несколько глотков.

Официант налил кофе и Зое, супруге Фигуровского. Она не успела потянуться за своей чашкой, как Фигуровский сделал из своей большой глоток и тут же громко закашлял. Расплескивая кофе, поставил чашку обратно на стол.

– Что случилось? – спросила Зоя. – Кофе оказался слишком горячим?

– Нормальный, – ответила за него Аида. Но Фигуровский продолжал кашлять. Лицо его побагровело, он словно задыхался. Зоя быстро поднялась и сильно хлопнула его несколько раз по спине, словно он подавился чем-то. На них уже стали обращать внимание остальные посетители. Было видно, что Фигуровский с каждой минутой чувствует себя хуже и хуже. Сидевший в углу веранды неизвестный гость, с выбритой головой и резкими чертами лица, даже поднялся, показывая официантам на бизнесмена. У него была седая щеточка усов, серые глаза, большие уши, прижатые к идеальному черепу. Один из официантов быстро принес большой стакан холодной воды, и Михаил Матвеевич залпом выпил воду, жестом попросив официанта принести еще один стакан. После второго стакана ему стало гораздо лучше, он даже попытался улыбнуться, достав носовой платок и вытирая выступившие слезы, но лицо по-прежнему оставалось багровым.

– Все нормально, – прохрипел он, – ничего страшного. Наверное, подавился хамоном. Взял слишком большой кусок.

– Вы всегда берете слишком большие куски, Михаил Матвеевич, – достаточно саркастически заметил Паруйр.

– Да, – согласился Фигуровский, – у меня такой характер.

Однако ничего больше он есть не захотел. Было заметно, что он все еще не пришел в себя. Зоя испытующе смотрела на своего мужа. Тот улыбался и пил воду, не притрагиваясь ни к еде, ни к своему кофе.

Аида и Линара переговаривались, не понимая, что именно произошло. Паруйр предположил, что Фигуровский подавился большим куском хамона, Дастан возразил, что это могла быть косточка от сливы. Как бы там ни было, Фигуровскому дали еще стакан воды, и он тут же выпил его. Зоя пожалала плечами и вернулась на свое место. Фигуровский снова закашлялся, правда, на этот раз слабее прежнего. Вдруг он неожиданно произнес:

– Нужно вообще меньше есть. Мой диетолог считает, что я должен проходить специальные курсы для похудения, и мне необходимо сбросить десять – пятнадцать килограммов. Наверное, он прав. Утром я как раз не забыл принять свое лекарство.

– Тебе нужно меньше есть, – раздраженно проговорила Зоя, – чтобы нас так не пугать.

Все расслабились, начали громко разговаривать, шутить. Официант отошел от их столика, а наблюдавшая за ними дежурная облегченно улыбнулась. Джил, взглянув на Дронго, заметила:

– Он действительно очень тучный человек.

– Возможно, – согласился Дронго, – ему действительно следует похудеть.

Справа от них сидела семейная пара иностранцев. Достаточно молодые, где-то около сорока. Мужчина – светловолосый, даже скорее белобрысый, с круглым лицом, в очках, с пухлыми губами, одет в длинные коричневые шорты и белую майку. Женщина – в купальном костюме, обмотанная прозрачным парео вокруг пояса, темные волосы затянуты ленточкой. Светлые глаза, ровные черты лица. Очевидно, они из Финляндии, так как оба говорили по-фински. Во всяком случае, так ему показалось. Или это не совсем финский? Мужчина попытался подняться, чтобы оказать помощь Фигуровскому, когда тот начал задыхаться, но супруга удержала его за руку, что-то быстро сказав. Дронго еще подумал, что самыми сложными языками в Европе традиционно считали финский и венгерский.

Фигуровский и его компания быстро ушли, а оставшиеся на веранде Вязанкин и его спутница начали громко обсуждать произошедший эпизод.

– Нажрался и начал рыгать, – зло пробормотал Вязанкин. – Все ему мало, все ему кажется недостаточно.

– Не нужно так говорить, – попросила Светлана. – Я так испугалась, когда он стал задыхаться. Он так сильно покраснел.

– Похоже, что ты до сих пор хорошо к нему относишься, – несколько ревнивым голосом произнес Вязанкин.

– Мне просто стало его жалко, – призналась она.

– А вот он тебя не пожалел, когда выгнал с работы. И меня не пожалел, когда разорвал контракты. Ты все забыла? Короткая же у тебя память. Он самый настоящий сукин сын. Просто прошло уже пять лет, и он нас с тобой не узнал. Или еще хуже – узнал и сделал вид, что не узнает.

– Вязанкин, почему ты такой злой?

– А ты, Хворостова, почему такая добрая, готовая все забыть и простить? Я лично – не готов. Давай уйдем отсюда, а то мы снова начнем ссориться, а я не хочу, чтобы кто-нибудь из гостей услышал наш спор и решил, что мы приехали сюда специально следить за этим прохвостом. Пойдем...

Они поднялись, направляясь к выходу. Почти сразу следом за ними вышла финская пара. Женщина что-то негромко говорила своему спутнику, и тот кивал, соглашаясь с ней.

Джил взяла свою чашку с кофе и усмехнулась.

– Кажется, это кофе так на него подействовал. Может, у него аллергия?

– Вряд ли, – возразил Дронго, – иначе он вообще не стал бы его пить.

Они пошли к выходу. Неожиданно Дронго достал из кармана носовой платок и, проходя мимо стола, за которым сидел Фигуровский, опустил краешек платка в его чашку.

– Что ты делаешь? – испуганно спросила Джил.

– Ничего. Просто я подумал о своем. Вечная привычка видеть во всем нечто подозрительное. Наверное, у меня развилась своеобразная мания преследования, – пробормотал он.

– Тебе нужно бросать свое ремесло, – убежденно сказала Джил.

Они поднялись в холл. Проходя мимо стойки портье, Дронго обратил внимание на женщину, которая направлялась в их сторону. Эти высоко поднятые скулы, немного раскосые глаза, темные волосы, чувственные губы! Женщине было явно за сорок, но она сохранила свою пластику и достаточно стройную фигуру. Увидев Дронго, она остановилась, и по ее округлившимся глазам он понял, что она его узнала. Он тоже сразу ее узнал, тем более что встречались они совсем недавно, полтора или два года назад. Или даже чуть раньше...

– Здравствуйте, синьор эксперт, – шагнула к нему незнакомка. Она говорила на итальянском, точно зная, что Дронго ее поймет.

– Добрый день синьора Гуарески, – заставил себя улыбнуться Дронго.

Она обняла его и поцеловала в щеку. Небрежно кивнула Джил, бросив на нее мимолетный равнодушный взгляд, и снова повернулась к эксперту:

– Как я рада тебя видеть!

– Я тоже рад, – не очень искренне пробормотал он. – Разрешите вас представить друг другу. Графиня Джил Вальдано, моя супруга, и синьора Стефания Гуарески, известный итальянский адвокат.

– Очень приятно, – протянула ей руку Джил.

Стефания слегка замешкалась, затем, спохватившись, протянула свою.

– Да, конечно, мне тоже приятно. Я не знала, что у такого известного эксперта супруга из рода Вальдано.

– Кажется, он сам в этом еще не уверен, – пошутила Джил.

– Ты... вы здесь отдыхаете? – поинтересовалась Стефания.

– Да. Мы приехали на несколько дней. А вы здесь одна?

– Конечно, нет, – улыбнулась синьора Гуарески, – со мной мой друг Освальдо. Мы решили заехать сюда, а потом полетим в Лос-Анджелес. Как вы живете? Жаль, что мы не встретились раньше. А с Каролиной после того случая вы больше не виделись?

Вопросы становились опасными, и Дронго невольно покосился на Джил. Кажется, впервые он оказался в подобной глупой ситуации.

– Я с ней больше никогда не виделся, – пришлось ему признаться. А про себя он подумал: «Представляю, как могла бы отреагировать Джил, если бы узнала о происшедшем на Мадейре свидании». Тогда в его номере оказались обе женщины, и они провели ту ночь втроем. Причем инициаторами подобного необычного свидания были именно они.

– Жаль, – спокойно сказала Стефания, ей словно нравилось его дразнить, – а я все время думала о вашем благородстве. Вы поступили тогда необычайно деликатно, разрешив ей уехать.

Еще не хватает, чтобы она вспомнила, при каких обстоятельствах они встречались. Нет, нужно завершать этот опасный разговор.

– Я просто проводил расследование и понял, что ее вина не столь убедительна, как казалось вначале, – пробормотал Дронго.

Стефания улыбнулась. Кажется, она считала достаточно забавной ситуацию, в которой они оказались. В этот момент из кабины лифта вышел тот самый лысый господин, с головой, напоминающей идеальный бильярдный шар, и поспешил к ним.

– Позвольте вас познакомиться, – очаровательно улыбнулась Стефания, – это мой друг Освальдо Ферман, а это – господин Дронго. Он известный в мире эксперт. И его супруга – графиня Вальдано.

– Дронго? – переспросил Освальдо, протягивая руку. – Что это такое? Кажется, есть такая птица?

– Да. Меня обычно так называют, – сказал Дронго, пожимая пухлую ладонь Освальдо.

– Весьма необычно, – заметил Освальдо, протягивая руку и Джил. – А по каким вопросам вы эксперт? Финансовые консультации? Сейчас все заняты в этом бизнесе.

– Нет. Я эксперт по вопросам преступности.

– И очень известный эксперт, – добавила Стефания, – можешь мне поверить.

– Как интересно. А я как раз эксперт по финансовым вопросам, – сообщил Освальдо. – Значит, мы оба – эксперты. Очень забавно. Вы собираетесь долго здесь пробывать?

– Несколько дней.

– Тогда увидимся вечером за ужином, – предложил Освальдо, – посидим после ужина в баре, если вы не возражаете.

– Обязательно, – согласился Дронго.

Стефания кивнула им на прощание, еще раз взглянув на Джил, на этот раз внимательнее, словно оценивая молодую женщину. Ее фигуру, молодость, цвет лица, платье, даже выражение ее глаз. Затем перевела взгляд на Дронго, и в ее глазах мелькнули вызов и усмешка. Он понял это и, вежливо улыбнувшись Стефании, подумал: «Только этого не хватало, встречаться с ней, когда рядом ее друг и моя жена. Кажется, синьора Гуарески все так же предпочитает самый экстремальный секс».

– Ты ничего не хочешь сказать? – спросила Джил, когда эта пара наконец отошла от них.

– Я должен что-то объяснять? – очнулся от своих мыслей Дронго. – Это просто моя знакомая.

– Если не хочешь, можешь ничего не говорить, – предложила Джил.

– Хочу. Мы познакомились с ней на Мадейре. Помнишь, я тебе рассказывал о том, как там начался ураган и мы оказались отрезаны от Большой земли. Тогда там пропала уникальная кукла, и никто не знал, куда она могла исчезнуть. Мне пришлось искать куклу и ее похитительницу. Кстати, Каролина, о которой она говорила, и была той похитительницей.

– И поэтому вы так близко подружились с синьорой Гуарески? – Джил все-таки обратила внимание на более чем дружеский поцелуй Стефании.

– Мы с ней действительно подружились, – признался он. Лгать дальше не хотелось, а говорить правду было невозможно.

– Кажется, я должна начать ревновать, – заметила Джил, – но ты так спокойно отвечаешь, что я даже не знаю, как реагировать.

– Могу сказать то, о чем всегда тебе говорил. Возможно, я не самый идеальный муж. Возможно, иногда позволяю себе увлекаться, особенно находясь достаточно далеко от тебя. Но ни разу в жизни я даже не думал о том, чтобы поменять тебя на какую-то другую женщину. В этом смысле я тебе никогда не изменял. Этого достаточно?

– Не совсем, – улыбнулась она. – Не думаю, что подобный ответ мог бы удовлетворить какую-либо женщину. Но ответ по-своему честный. Хотя и лукавый. И твои «увлечения» мне тоже не особенно нравятся.

В таких случаях лучше промолчать. Он уже и так сказал гораздо больше, чем следовало. Кажется, Джил успокоила только разница в возрасте – Стефания была явно старше нее. У женщин вырабатывается своеобразное чувство соперничества и зависти к более молодым конкуренткам и снисходительное чувство собственного превосходства к более старшим. «Надеюсь, что Стефания будет вести себя гораздо спокойнее в присутствии своего друга», – подумал Дронго. Хотя, учитывая раскованность и свободный образ мыслей синьоры Гуарески, пору-

читься невозможно. В любой момент она может выкинуть все, что угодно. Нужно постараться избегать встреч с этой парой и сделать все, чтобы они меньше контактировали друг с другом, иначе Джил действительно может обидеться. Он покосился на жену. Кажется, она о чем-то задумалась. Только ревности Джил ему не хватало для полноты ощущений! Он пока не знал, что уже вечером следующего дня произойдет событие, которое опрокинет все его прежние страхи и сомнения, породив новые, еще более опасные, когда меньше всего будет вспоминаться прежняя встреча со Стефанией.

Глава четвертая

Эстепона и отель находились почти на самом краю Европы – там, откуда начинается не только Испания, но и вся континентальная часть Европы. Из-за достаточно холодного течения в этих местах обычно бывает более чем прохладно. Сегодня днем снова поднялся ветер, и Дронго с Джил решили пообедать в Марбелье, отправившись туда сразу после завтрака. В этом курортном городе жизнь не прекращалась ни на минуту, особенно по ночам, когда работали ночные клубы, рестораны и бары. В отличие от Сен-Тропе и Лазурного Берега Марбелья считалась более демократичным курортом, где можно было найти клубы и рестораны по своим возможностям и кошелькам. К тому же недалеко отсюда находилась знаменитая Ибица, где миллионеры и бомжи одинаково раздевались, предпочитая смешиваться с остальными нудистами. Несмотря на такое обилие обнаженных тел, опытные женщины сразу угадывали среди них богатых и очень богатых людей.

Когда Дронго с женой уже подъезжали к центру города и проехали мимо нескольких закрытых клубов, выходящих на пляж, Джил неожиданно заинтересовалась, каким образом можно узнать в абсолютно голом человеке богатого владельца яхты или мультимиллионера, если на нем нет ни часов стоимостью в сотни тысяч долларов, ни дорогой одежды, ни ключей от автомобиля ручной сборки, ни телефона «Вирту»? Как «женщины-охотницы» безошибочно вычисляют в толпе голых мужчин очень богатых людей? Ведь на элитный пляж может попасть и не очень богатый, заплатив входную плату или каким-то образом став членом клуба.

– Это не так трудно, как ты думаешь, – пояснил Дронго, – даже голые люди очень сильно отличаются друг от друга. Выражение глаз, походка свободного и абсолютно уверенного в своей силе человека, ведь большие деньги позволяют ему держать спину прямо. Затем запах его парфюма или лосьона после бритья – у очень богатых людей запахи бывают соответствующие. Стильная прическа. И, наконец, самое важное – руки и ноги, особенно ноги, по которым можно почти безошибочно узнать богатого человека.

– У них ноги растут иначе, чем у остальных? – пошутила Джил.

– Нет. Ноги такие же. Иногда даже не очень красивые. Это только в сказках и в кинофильмах бывают миллионеры-красавцы, похожие на греческих богов. В реальности они вполне могут быть с заметным животом или другими жировыми наслоениями, хотя справедливости ради стоит признать, что очень богатые люди весьма пристально следят за своим здоровьем и своей фигурой. Самое главное – педикюр на ногах. Его позволяют себе достаточно обеспеченные. Посмотри внимательно на ноги мужчины, и ты сразу определишь его материальный достаток. Руки иногда приводят в порядок и не очень богатые, но потратиться на педикюр могут только вполне обеспеченные господа. Это тоже показатель. И потом, не забывай, что в дорогих парикмахерских мужчинам не просто стригут голову и сотворяют оригинальные прически. Им убирают волосы из ушей, чистят носы от торчащих волосинок, которые всегда выглядят неэстетично, аккуратно поправляют брови. Наконец, косметологи убирают бородавки и родинки, которые могут быть в разных местах на лице, выдавая в их хозяине плебея. Эти детали сразу показывают руку элитного мастера и мужчину, согласного потратить несколько сот долларов на свою внешность, что тоже явное свидетельство его материального благополучия.

– Целая наука, – поняла Джил, – боюсь, мне ее так и не постигнуть. Я, к счастью, не бываю на нудистских пляжах. Ты знаешь, что мои подруги даже смеются надо мной! Но мне трудно преодолеть смущение и раздеться в присутствии сотен других людей.

– Можешь не переживать, – рассмеялся Дронго. – Я до сих пор боюсь ходить в немецкие сауны, где обычно моются все вместе – мужчины и женщины. Никак не могу привыкнуть. Но я восточный мужчина, со мной все понятно. А вот ты – европейская женщина, которая не

вписывается в реалии современной и свободной Европы. Насколько я помню, ты осуждала и однополые браки.

– Какой кошмар, – вздохнула Джил, – не понимаю, как католическая церковь может терпеть такое! Просто не понимаю и никогда не пойму.

– В одной из самых католических стран мира – в Испании – подобные браки уже разрешены, – напомнил Дронго. – Я уже не говорю о пуританских Штатах или Великобритании. Ты отстаешь от жизни.

– Наверное, отстаю, – согласилась Джил. – Но мне кажется, что подобными разрешениями мы разрушаем традиционную Европу, создавая некий гибрид какого-то аморфного общества, лишённого нравственности и своей идейной идентичности.

– Вы слишком категоричны, графиня, – пошутил Дронго.

– И слишком отстала от жизни, – грустно призналась она, – может, поэтому и вышла замуж за тебя. Надеюсь, что в соответствии со своей религией ты не станешь брать четырех жен и четыреста наложниц.

– Я не справлюсь с таким количеством, – притворно вздохнул он. – И потом, я агностик по своей вере, о чем ты прекрасно осведомлена. Хотя это был бы интересный опыт.

– Вся твоя цивилизованность и твой агностицизм сразу слетают с тебя, как только речь заходит о природных инстинктах, – легонько стукнула его кулаком в бок Джил.

– Конечно, – усмехнулся Дронго и тут же получил еще один толчок в бок. Оба понимающе улыбались.

У почты Дронго попросил водителя такси остановиться и, оставив Джил в машине, быстро вошел в помещение. Ему удалось найти женщину, понимавшую английский, которая дала адрес местного отделения DHL. Вернувшись к такси, он попросил водителя сначала отвезти их туда.

– Зачем тебе туда нужно? – удивилась Джил. – Надо отправить посылку или письмо?

– Да, у меня есть одно срочное сообщение, – не стал уточнять Дронго.

Когда машина остановилась у здания экспресс-почты, он быстро вышел, снова попросив Джил немного подождать. Здесь говорили по-английски, и он довольно быстро выяснил, что посылка в Москву дойдет за три дня, но можно заплатить в три раза дороже, и тогда она дойдет за двадцать четыре часа. Что он и сделал, заплатив нужную сумму. Затем, оформив документы, позвонил своему напарнику Эдгару Вейдеманису в Москву и предупредил его об отправленной посылке. После чего наконец вышел из здания и направился к машине.

Расплатившись с водителем, Дронго предложил Джил прогуляться по центру города. А после небольшой прогулки они нашли итальянский ресторан «Да Бруно», где решили пообедать. Он любил итальянскую кухню, выбирая обычно итальянские и французские рестораны в Европе. Едва они уселись за столик, как в зал ресторана вошла знакомая пара. Очевидно, они тоже приехали посмотреть Марбелью. Виталий Вязанкин и его спутница даже не обратили на них внимания. Они прошли в глубь зала, устраиваясь рядом с большим деревянным шкафом, на полках которого стояли десятки бутылок.

– Нам, видимо, никуда от них не деться, – шепотом произнесла Джил.

– Все приехавшие хотят увидеть Марбелью, – возразил Дронго, – это как раз понятно. И, конечно, выбирают достаточно известные рестораны. Между прочим, ты не обратила внимания, что в этом ресторане меню напечатано и на русском языке? Именно поэтому здесь бывают и гости из России, а также из стран СНГ. Поэтому не обращай на них внимания.

Спутница Вязанкина вдруг посмотрела в их сторону и сказала, обращаясь к своему другу:

– Кажется, эти двое из нашего отеля. Я запомнила этого мужчину, он похож на профессионального спортсмена.

Вязанкин посмотрел в их сторону и буркнул:

– Наверное, тебе показалось.

– Нет, – настойчиво повторила Светлана, – я точно его запомнила. Разве можно его не запомнить? Он выше всех на целую голову. И у него такой внимательный взгляд. Это точно они.

– Может быть, – согласился наконец Вязанкин. – Ну, значит, зашли пообедать. Что здесь особенного?

– А если нет? – тихо спросила она, еще раз оглядываясь на Дронго.

– Что ты хочешь этим сказать? – мрачно спросил Вязанкин.

– Не будь таким наивным. Они могут быть приставлены к нам, чтобы следить. Об этом ты не подумал?

– Они не знают русского языка, – не очень уверенно проговорил Вязанкин.

– А если знают? – продолжала настаивать Светлана. – Да и зачем им знать русский язык, достаточно внимательно наблюдать за нами. Посмотри на его плечи, на его руки. Этот человек может быть профессиональным сыщиком.

– Сыщики обычно бывают худые и в очках, – улыбнулся Вязанкин, – они должны работать головой, а не мускулами. Если у него такие плечи, значит, он раньше, скорее всего, работал охранником или телохранителем. С таким ростом и такими мускулами невозможно быть вдобавок интеллектуалом. Бог не дает всего сразу. Либо накачанные мускулы, либо накачанные мозги. Одно из двух.

– Это они говорят о тебе, – насмешливо сказала Джил, прикусив нижнюю губу, чтобы не рассмеяться. – Но, в общем, говорят правильные вещи. Ты – явное исключение из правил. Сыщик должен быть как Коломбо – немного растяпа, немного неряха, в старом плаще и с блуждающим взглядом простофили. Или как Эркюль Пуаро – забавный человечек со своими смешными усами, прилизанными волосами и массой всевозможных комплексов. А может быть, немного наркоманом, как Шерлок Холмс, или неподвижным толстяком, как Ниро Вульф. Ты явно не вписываешься ни в один из этих образов.

– Отпущу себе живот и вспомню про свои комплексы, – пообещал Дронго. – Но меня интересует другое. Почему они считают, что за ними должна следить полиция? Что они такого незаконного делают, чтобы за ними было возможно наблюдение? Или собираются сделать?

– Это тебе лучше отвечать на такие вопросы, – рассудительно произнесла Джил. – И вообще, хватит говорить об этой парочке. По-моему, они нарочно уезжают из отеля, чтобы не встречаться с этим синьором Фигуровским, который чуть не поперхнулся сегодня за завтраком и в чашку кофе которого ты так негигиенично опустил краешек своего носового платка.

Дронго согласно кивнул и на протяжении всего обеда старался больше не смотреть в сторону загадочной пары. Когда им принесли десерт, он снова услышал голос Светланы:

– Хорошо, что Михаил Матвеевич меня не узнал. Хотя прошло только пять лет...

– Для него это огромный срок, – пояснил Вязанкин. – Можешь себе представить, какое количество женщин, знакомых и незнакомых, у него было за это время? И с каким количеством он заново познакомился? Поэтому твое лицо и не осталось в его памяти. Для этого жирного борова ты – всего лишь одна из сотен или тысяч женщин, в окружении которых он находится.

– Вязанкин, не говори таких гадостей, – поморщилась Светлана. – Я надеялась, что он запомнил меня гораздо лучше остальных.

– Я тоже так думал. Тем более что ты ему отказала. Это, наверное, был один из редких случаев в его жизни, поэтому он постарался забыть тебя как можно скорее. А может, сразу узнал тебя и делает вид, что вы незнакомы. Может, ему стыдно за все случившееся?

– Ты сам веришь в свои слова?

– Нет, не верю. Конечно, ты права. Он ничего не стыдится и никогда не раскаивается. И вероятнее всего, что он тебя узнал, но не хочет показывать этого в присутствии своей молодой жены, чтобы та не устраивала ему сцен ревности.

– Ничего, – саркастически заметила Светлана, – если даже она уличит его в очевидной измене, то явно не побежит с ним разводиться. Скорее заставит его купить ей в качестве «штрафа» новое кольцо или кольцо с бриллиантами, чтобы компенсировать «свои потери». – И они дружно рассмеялись.

Дронго подозвал официанта, чтобы оплатить счет, и тот поинтересовался, понравились ли гостям их кухня.

– Очень понравилась, – ответил Дронго, оставляя чаевые в размере пятнадцати процентов от стоимости счета.

Когда они поднялись, чтобы выйти из ресторана, зазвонил его телефон. Он достал аппарат, по привычке бросил в трубку: «Да», а затем добавил по-русски: «Слушаю тебя». И сразу понял, что совершил ошибку, поймав взгляды Вязанкина и его спутницы. Те тоже услышали его слова и растерянно переглянулись.

– Они все-таки следят за нами, – убежденно произнесла Светлана.

Дронго досадливо поморщился. Нельзя допускать подобных «ляпов». Просто он увидел высветившийся номер на дисплее телефона и сразу понял, что звонит из Москвы его напарник, поэтому отреагировал чисто механически. Если бы на телефоне появился английский номер, он бы, конечно, ответил по-английски, а если бы это был итальянский код «0039», то ответил бы по-итальянски.

Когда они вышли на улицу, Вязанкин, проводив их долгим взглядом, пожал плечами.

– Пусть следят, если хотят. Они все равно нам ничего не сделают. И если сегодня вечером они посмеют снова появиться в нашем отеле, напомни мне, чтобы я к ним подошел и сказал пару «ласковых» фраз. Думаю, они сумеют понять мой русский язык.

– Не надо, – испуганно попросила Светлана, – это может быть опасно. Не нужно с ними связываться. Может, они приехали сюда специально для того, чтобы устроить такой скандал? Они слышали, как мы о них говорили, и он наверняка нарочно начал говорить по-русски, чтобы нас напугать.

– Я им покажу, как нас пугать, – сжал кулаки Вязанкин.

В Марбелье было гораздо теплее, чем в Эстепоне, здесь холодное течение довольно далеко от берега. К югу от города располагались известные отельные комплексы, самым знаменитым из которых был всемирно признанный «Пуэнт Роман» со своим неповторимым уникальным ботаническим садом.

Побродив по улочкам города еще около часа, Дронго и Джил сели в такси, чтобы вернуться в отель к ужину. По дороге Джил все время молчала и, только когда они уже подъезжали, взглянула на него и спросила:

– Ты думаешь, они замышляют нечто плохое?

– Не знаю, – ответил он.

– Мы с тобой оба слышали, что они боятся возможного наблюдения за собой.

– Вероятно, они слишком переоценивают свое собственное значение, – усмехнулся Дронго.

В холле отеля сидели Зоя Фигуровская и Аида Казарян. Увидев входивших, Аида улыбнулась и кивнула гостю. Тот ответил кивком. Заинтересованная Зоя оглядела незнакомца внимательным, чуть более, чем полагается в подобных случаях, долгим взглядом и, не стесняясь, спросила у Аиды:

– Ты его знаешь? Я думала, они иностранцы. Во всяком случае, его спутница точно иностранка. Да и похож он на итальянца.

– Нет, – ответила Аида, – я видела, как он читает на пляже книгу на русском языке. И мы с ним немного поговорили. Он из Баку, почти мой земляк.

– Я даже не могла себе такое представить, – призналась Зоя, – думала, нам придется помирать здесь со скуки. Фигуровский сразу после обеда ложится храпеть на несколько часов.

Он считает, что это полезно для здоровья. А я должна терпеливо ждать, пока он отоспится... Хотя сейчас он, кажется, не вылезает из туалета. По-моему, он просто переел. Может, завтра сами махнем в Марбелью? Там столько разных клубов.

– С удовольствием, – согласилась Аида, – только мой в отличие от твоего никогда днем не спит и сейчас наверняка говорит по телефону. Нужно еще убедить его в том, что нас можно отпустить одних в Марбелью.

– Конечно, можно, – встрепелась Зоя, – а с кем еще нам общаться? Линара все время помнит, что она компаньон наших мужей, и ведет себя как мужик, а не как женщина. Среди отдыхающих либо старые маразматика, либо семейные пары с детьми. Тоже мне, всемирно известный курорт... Зимой мы были в Куршевеле, вот там по-настоящему интересно. А здесь ничего нет. Только «обжираловка» в ресторанах и плохой пляж с камнями.

– У тебя такая фигура, что многие даже завидуют, – призналась Аида, – на тебя «обжираловка» явно не действует.

– Еще как действует! Просто я заставляю себя не есть того, что мне хочется, особенно эти замечательные пирожные. И еще по три часа сижу в фитнес-центре, каждый раз буквально заставляя себя сбрасывать вес, иначе сразу превращусь в корову.

– Ну, до этого еще далеко, – успокаивающе сказала Аида.

Дронго поднимался в кабине лифта вместе с Джил и думал о тревогах Вязанкина и его супруги, еще не зная, что ему предстоит уже завтра днем. Вечером они с Джил решили не спускаться в один из трех работающих ресторанов, а заказать ужин в номер. Джил заказала себе легкий салат и фрукты, пояснив, что не голодна. А может, она просто не хотела лишний раз встречаться со Стефанией. Дронго так и не понял выражения ее лица и просто остался вместе с ней в номере.

Глава пятая

На следующий день Джил записалась в косметический салон на шестнадцать часов. Утром за завтраком они обратили внимание, что за большим столом нет Фигуровского и его супруги. Подошедшему метрдотелю остальные гости объяснили, что их друг плохо себя чувствует, поэтому заказал себе завтрак в номер. Вязанкин и его спутница тоже не появились в ресторане. Зато Дронго увидел улыбающуюся Стефанию, спускавшуюся вниз в купальном костюме, с наброшенной сверху длинной прозрачной накидкой, и ее друга, одетого в бриджи и темную майку. Очевидно, они с Джил все-таки напугали Вязанкина и его спутницу, раз те не пришли завтракать.

Вернувшись в номер, Дронго сел перед своим ноутбуком в поисках нужной ему информации. Джил спустилась в галерею магазинов, чтобы выбрать понравившихся ей быков, искусно вырезанных местным анадрузийским мастером из различных пород дерева. Было одиннадцать утра, когда зазвонил телефон. Это был Вейдеманис.

– Добрый день, – начал он, – как вы там отдыхаете?

– Здравствуй. Отдыхаем неплохо, но не нужно тянуть время. Что показала экспертиза?

– Ты никак не можешь спокойно отдыхать? – хмыкнул Вейдеманис. – Тебе обязательно нужно вляпаться в какую-нибудь нехорошую историю?

– У меня такой характер. Что там обнаружили? Я ведь знаю, что ты получил мою посылку сегодня в девять тридцать утра. Проверил по ноутбуку. Что показала экспертиза? – снова нетерпеливо спросил Дронго.

Вчера он отправил носовой платок, вымоченный в чашке кофе Фигуровского, в Москву на срочную экспертизу. Ему показался подозрительным этот странный кашель, на который все обратили внимание. Он попросил Эдгара срочно сделать анализ этого напитка. И вот теперь Вейдеманис звонил ему, чтобы сообщить результаты проверки.

– Это был яд, – сказал Эдгар, – комбинация сильнодействующего натрия, цианида и... Сейчас прочту тебе их заключение...

– Перешлешь мне по Интернету на мой электронный адрес, – предложил Дронго. – Я хочу знать другое. Ошибка исключена?

– Абсолютно. Проверяли в лаборатории МВД. Я попросил по старой дружбе твоего знакомого Иосифа Марковича.

– Он сам проверял?

– Сам. Убежден, что это яд, причем в достаточно большой концентрации.

– Человек умирает мгновенно?

– Нет. Хотя там присутствует и цианид. У человека развивается кашель, начинается отек легких, может остановиться сердце. Но в идеале на смерть нужно некоторое время, два или три дня. Если человек принимает какие-нибудь лекарства, разжижающие кровь, то вполне вероятно, что протянет несколько дней. Это не цианистый калий, который убивает мгновенно. Но, по-моему, жертве от этого не легче. Последние несколько дней он будет мучиться. Может быть расстройство желудка и кровавая рвота – в общем, все симптомы тяжелого заболевания.

– Понятно. Спасибо, мне было важно получить эти результаты.

– Будь осторожен, – предупредил Вейдеманис, – этот отравитель вполне может потренироваться и на тебе.

– Это я понимаю. Поэтому принимаю чашки только из рук Джил.

– Жены обычно травят своих мужей даже чаще, чем все остальные, – рассмеялся Эдгар, – хотя к Джил это наверняка не относится.

– Надеюсь, – усмехнулся Дронго.

Сыщик убрал телефон и начал быстро переодеваться. Через несколько минут он уже стоял у дверей съюта, в котором жили Фигуровские. Позвонив, терпеливо ждал, пока ему откроют, но довольно долго никто не отзывался. Он нахмурился, прислушался и снова позвонил. Наконец услышал, как за дверью раздались быстрые шаги. Дверь открылась. На пороге стояла очень недовольная Зоя. Она была уверена, что это пришли проверять их мини-бар, и вообще не хотела подходить к дверям.

– Что еще нужно? – рявкнула она, открывая дверь. На ней был белый махровый халат отеля. Увидев незнакомца, Зоя удивилась. Нахмурилась.

– Здравствуйте, – вежливо сказал Дронго по-русски.

– Добрый день. – Она испытующе смотрела на незнакомца. Ей было интересно, зачем он постучался к ним в номер. – Что вам нужно?

– Я хотел бы переговорить с вашим супругом.

– Он... – Зоя оглянулась, – он сейчас занят. У вас к нему есть какое-то деловое предложение?

– Я бы не стал вас беспокоить в этом случае, – улыбнулся Дронго. – Или вы считаете, что я похож на обычного коммивояжера, который пытается вручить вашему супругу залежавшийся товар?

– Не считаю, – ответила Зоя, – я видела вас во время завтрака. Но Михаил Матвеевич сейчас занят. Давайте попозже.

– Не могу, – сказал он, – мне нужно срочно с ним увидеться.

– Но он сейчас не может, он в ванной.

– Именно поэтому я и хотел бы с ним увидеться, – настойчиво повторил Дронго.

– Я же вам сказала, что сейчас он занят. – Она усмехнулась. Этот мужчина ей нравился, но он был слишком настойчив. Другого она бы давно послала подальше, но с этим просто интересно.

– Вашего мужа пытались убить, – сказал Дронго, – и именно поэтому мне важно с ним увидеться. Возможно, у нас не так много времени.

Кажется, это сообщение не произвело на нее никакого впечатления. Она даже улыбнулась.

– Вы говорите о случае во время вчерашнего завтрака? Но у него уже все в порядке. Вчера вечером мы вызвали врача, он прочистил ему желудок. Ничего опасного. Наверное, просто переел хамона. Можете не беспокоиться, от этого не умирают.

– И тем не менее... – продолжал настаивать Дронго, но в этот момент из ванной вышел сам Фигуровский, в белой майке и больших «семейных» трусах в цветочек, доходивших почти до колен. Увидев незнакомца, он даже не удивился и не смутился. Только кивнул в знак приветствия, проходя в комнату, чтобы набросить на себя халат.

– Михаил Матвеевич, это к тебе пришли, – пояснила Зоя. – Наш гость уверяет, что тебя пытаются убить.

– Кто хочет меня убить? – Фигуровский набросил халат, с трудом умещавшийся на его дородном теле, и вернулся к дверям. – Что вы хотите? Кто вы такой?

– Извините, что я вас беспокою. Я – эксперт по вопросам преступности, и меня обычно называют Дронго. Я хотел предупредить вас, что вчера вас пытались отравить.

– Недоброкачественным хамоном? Или старым кофе? – рассмеялся Фигуровский. – Но из этого кофейника пили все, в том числе и моя жена. Можете не волноваться, господин эксперт. Вчера вечером я вызвал врача. Мне сделали укол антибиотика и прочистили желудок, так что отравление мне явно не грозит. Вы напрасно побеспокоились.

– Я хотел вас предупредить...

– Спасибо. Но нельзя быть таким бдительным, особенно когда вас об этом не просят. Хотя я понимаю, что с вашей профессией иначе нельзя. Если бы все гости умирали в отелях от

переедания, сюда бы никто не приезжал, – добродушно заявил Фигуровский. – Но все равно спасибо за предупреждение. Теперь перейду на рыбу и курицу. Вы еще хотите мне что-то сказать?

– Нет, – ответил Дронго, едва сдерживаясь, – больше ничего. Извините, что я вас побеспокоил.

Фигуровский кивнул и закрыл дверь.

«Глупый самодовольный индюк!» – зло подумал эксперт, идя по коридору.

– Тоже мне, самодеятельный Пинкертон, – громко сказал Михаил Матвеевич. – Он вчера увидел, как я кашляю, и решил, что меня хотели убить. Совсем ненормальный. Иногда такие инициативные идиоты хуже обычных болванов. Могут придумать все, что угодно.

– Да, – задумчиво согласилась Зоя, – но мне показалось, что он не похож на идиота.

– Еще как похож, – убежденно произнес Фигуровский. – Прибежал утром в чужой номер, ломился в нашу дверь, угрожал, что меня хотят убить... Интересно, кто именно хотел? Ты или Аида? Вы ведь сидели рядом со мной.

– Во всяком случае, не я, – усмехнулась Зоя. – Или ты в этом сомневаешься?

– Ни в коем случае, – рассмеялся Михаил Матвеевич, – тебе это нужно меньше всех остальных. Зачем тебе становиться вдовой в таком возрасте? Гораздо удобнее иметь рядом состоятельного и зрелого мужчину, который спит с тобой не так часто, как ему хотелось бы... – Он попытался привлечь ее к себе, но она выскользнула из его рук.

– Хватит! Тебе еще нужно принять лекарство. Может, этот неизвестный эксперт прав и тебя действительно пытались отравить. Прими «Аугментин», который прописал тебе врач. Он сказал, что это довольно сильный антибиотик.

– Приму, – улыбнулся Фигуровский. – Я помню, что он сказал, – сегодня весь день лежать и никуда не выходить. А еще принимать эти лекарства и пить много воды. Ты куда-то собралась?

– Поеду с Аидой в Марбелью, – сказала Зоя, – мы с ней еще вчера договорились. Она говорит, что там есть очень интересный клуб. Мы едем в четыре часа, она обещала зайти за мной. Поедем на арендованной нами машине, я сама сяду за руль.

– Поезжай, – согласился Михаил Матвеевич, – только больше ничего не покупай. Можешь просто выбрать и отложить покупку. Кажется, у тебя уже пустая кредитная карточка. Я дам тебе две тысячи евро. И будь осторожнее за рулем.

– Что можно купить на две тысячи евро? – скривила лицо Зоя и пошла в ванную, сильно хлопнув дверью.

Дронго все еще находился в коридоре на их этаже. Он понимал, что поступает некорректно и не совсем красиво, но вернулся и стоял у двери, подслушивая беседу Фигуровского с его супругой, которые говорили, стоя в прихожей, благодаря чему весь их разговор был хорошо слышан. Когда Зоя наконец хлопнула дверью, он повернулся и пошел к кабине лифта. Спустился на свой этаж, прошел в номер. Джил уже вернулась, купив двух симпатичных быков на красивых эбонитовых подставках. На них были таблички с именами мастера.

– Посмотри, какая прелесть! – восхищалась Джил. – Нужно купить еще пару подобных быков в подарок нашим друзьям.

– Как хочешь, – согласился Дронго. – Кажется, мне придется сегодня опять поехать в Марбелью.

– Ты действительно следишь за этими Вязанкиными? – рассмеялась Джил.

– Это его фамилия Вязанкин, а ее – Хворостова, – напомнил Дронго. – Но я не собираюсь за ними следить. Я даже не знаю, где они сегодня будут обедать или ужинать. Мне нужно в Марбелью по своим делам.

– Поэтому ты вчера заходил на почту и отправлял посылку, – вспомнила Джил.

– Да, – кивнул он, – и мне нужно поехать туда сегодня. Но не сейчас, а ближе к вечеру, когда ты пойдешь в салон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.